

ФИЛОЛОГИЯ

(специальность: 10.02.19)

УДК 81

Э.Г. Куликова

Российский университет дружбы народов

г. Москва, Россия

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

г. Ростов-на-Дону, Россия

kulikova_ella21@mail.ru

О.М. Акай

Российский университет дружбы народов

г. Москва, Россия

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Россия

oksanaakay@mail.ru

Х.Г. Кодалаева

Юго-Осетинский государственный университет имени А.А. Тибилова

г. Цхинвал, Республика Южная Осетия

kh_kodalaty@mail.ru

**ТОЛЕРАНТНОСТЬ В МЕДИАДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА РЕЦЕНЗИЙ)¹**

[*Ella G. Kulikova, Oksana M. Akay, Khansiat G. Kodalaeva*

Tolerance in media discourse

(based on the material of the genre of reviews)]

In modern society, it is extremely important to comprehend the tolerance and its diverse issues. It is necessary to make interdisciplinary analysis integrating philosophical, sociological, political, science, psychological and linguistic approaches to this category, to systematize the accumulated theoretical and empirical knowledge in constantly changing discursive practices. The authors analyzed media discourse. It is the sphere with a specific manifestation of tolerance. This area essentially involves discussion, critic-

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07001

al evaluation, sometimes unflattering one, and therefore it is interesting to investigate the limits of tolerance in this area. The research is based on the texts of the publicist and theatre critic T.V. Moskvina. For the direct study of the text material, the authors used the cognitive and linguopragmatic analysis.

Key words: tolerance, ethical and speech norms, argumentation, genre of review, media discourse.

Нередко представляется, что толерантность – порождение Нового времени. Между тем еще в Древнем мире толерантность проявлялась в уважении к иноплеменным богам и культам, а истоки научного осмысления этой категории можно обнаружить уже в античной философии: поиски гармоничной и эффективной социальной активности личности. Концепт «толерантность» получает обоснование в различных по истокам и направленности концепциях Дж. Локка и И. Канта (рассматривались границы и статус понятия «веротерпимость» и «право»). В современном гуманитарном знании толерантность так или иначе описывается на основе принципов конкретной науки. Сам термин «толерантность» (от лат. *tolerantia* – терпение) первоначально использовался в иммунологии, затем был адаптирован социальными науками. Естественно, что понятийное содержание термина «толерантность» богаче, чем у слов «терпение», «терпимость», ибо «толерантность – это активное социальное поведение, к которому люди приходят на основании убеждений и которое состоит в допущении существования других мнений, взглядов» [2, с. 50]. Признание неизбежности культурных и религиозных различий стало условием выживания человечества.

Толерантность рассматривается как важнейшая коммуникативная категория современного дискурса [4]. В современном обществе чрезвычайно велика заинтересованность в осмыслении толерантности и ее разнообразной проблематики. Очевидна необходимость систематизации накопленных теоретических и эмпирических знаний в постоянно модифицирующихся дискурсивных практиках. Это позволяет говорить о возможности стабилизации исследований как отдельной области знания, следовательно, такой интегративной дисциплины как «толерантология», а специалистов – толерантологами [1]. Думаем, однако, что это вряд ли осуществимо, поскольку толерантность, будучи естественной социокультурной нормой, вряд ли в состоянии стать объектом специальной науки: эта норма, состоящая в положительной установке по отношению ко всему сущему, в конструктивно-доброжелательной оценке оппонентов, реализуется во всех сферах социальных отношений – кросс-культурных, конфессиональных, этнических, политических и т.д. По

субъекту – носителю толерантности – различают индивидуальный, социальный и государственный уровни. Естественно, что в каждой сфере будут свои структуры и компоненты толерантности.

Толерантность в коммуникации понимается как категория, базирующаяся на последовательном выборе нормативных реакций на коммуникативные действия собеседника/собеседников. Нормативность при таком подходе связана не только с собственно коммуникативными, но и лингвистическими и этико-лингвистическими нормами, последние регламентируют в качестве обязательного основания плюрализм взглядов, мнений, оценок. При таком подходе толерантность может рассматриваться и в качестве доминантного универсального признака, на котором строится речемыслительная деятельность.

В статье «Толерантность языковой нормы» Л.П. Крысиным понятие толерантности было экстраполировано на сферу ортологии, в этой работе определяется наличие различных видов толерантности (практически по ярусам и уровням языковой системы) [3]. Так, выделяют структурную и коммуникативную толерантность. Каждый из типов предполагает закрепление в пределах нормы вариантов, различающихся либо структурно – в широкой трактовке данного термина, либо коммуникативно – в зависимости от целеустановки, а также собственно коммуникативной цели. При таком подходе, когда языковая толерантность – это в первую очередь следование в социальном взаимодействии созидательным, позитивным моделям, категория толерантности рассматривается в качестве следствия и инструмента реализации такого феномена как культурная компетентность, и выступает как обязательный элемент эффективной коммуникации.

Категория толерантности является жанрово обусловленной в соответствии со средствами реализации, так, например, рецензия как потенциально толерантный медиатекст предполагает аргументированность и корректность оценок, но не их отсутствие. При всем многообразии видов рецензий в современных медиа для выявления квалифицирующих признаков рецензии представляется необходимым выбрать для анализа тексты, которые могут быть рассмотрены в качестве типизированных, в определенной степени эталонных, что обусловлено признанным высоким профессиональным статусом автора. В этом случае устанавливаемые признаки, несмотря на идиостилистическое своеобразие текстов, могут быть использованы и при анализе других

рецензий. Идиостиль Татьяны Москвиной – редактора отдела «Культура» в газете «Аргументы недели» – характеризуется предельной точностью оценок, ср.: *«Быков пишет грамотно, бойко, гладко, но при этом в памяти (говоря о своём восприятии) от его прозаических сочинений огромной протяжённости мало что остаётся. В биографиях серии ЖЗЛ его держит в рамках судьба героя, в поэзии – избранная форма стиха. А в прозе такого стержня у автора нет, и рассказ расплывается, впускает множество призрачных ненужных персонажей, и даже признанное оружие Быкова – его несомненное остроумие – куда-то исчезает»*. (Т. Москвина Д. Быков опять недоволен Г. Богом // «Аргументы Недели», 21 сентября 2017 г.)

Сущность рецензируемых объектов такова, что дает почву только для иронического восприятия: *«Новая постановка Богомолова длится три с половиной часа – три действия с двумя антрактами. Мои поздравления буфету театра, однако длительность спектакля не обеспечена его художественной выразительностью, она избыточна»* («Преступление гражданина Богомолова» // Аргументы недели, 25 апреля 2019 г.);

«...мир отчаянно плох, а человеческий проект – он вообще провальный. Это Д. Быков утверждал неоднократно и постоянно привязывался к Г. Богу со своими грозными претензиями. <...> Наверное, не будет большой ошибкой предположить, что «божественный глагол» (сила, яркость, страсть слова) – дар Божий. И если перед нами стоит проповедник и вещает что-то правильное, но вялое и банальное, таких подарков ему не сделано. Во времена Толстого и Достоевского немало фигурировало разных иереев и даже протоиереев, говоривших много и писавших брошюры. Однако глагол был не у них, а у Достоевского и Толстого. Дмитрий Быков пишет книги, у которых вроде бы крупный замысел, немалый масштаб рассуждений. Он так смело оценивает многовековой исторический путь России. Судит и власти, и народ. Но трудно сыскать в этих сочинениях следы «божественного глагола». Может, был когда-то вручён, а потом Г. Бог рассердился на бесконечные быковские претензии к себе и отобрал свой «глагол» за непочтительность?» (Татьяна Москвина Д. Быков опять недоволен Г. Богом // «Аргументы Недели», 21 сентября 2017 г.).

В текстах рецензий Т. Москвиной содержатся откровенные инвективы (*«Всяко лучше, чем экранизировать постыдное и пошлое графоманство «Ок-*

саны Робски». (Т. Москвина «Душевный крик земли – одинокой и опозоренной бабы» // «Аргументы недели», 9 декабря 2010 г.), но гораздо чаще используется ирония: *«Зачем спектакли «Гоголь-центру», их делал старомодный Сергей Яшин, руководитель прежнего театра имени Гоголя, у него, как в прошлом веке, – артисты играли роли, художники оформляли сцену, и вообще росла вся эта театральная петрушка. Теперь на повестке дня современность, а современный театр чем должен отличаться от несовременного? Правильно, упразднением всякого там «профессионализма». А иначе как его, современный театр, отличишь-то?»* (Т. Москвина «Раз пошла я в «Гоголь-центр» // Аргументы недели, 24 августа 2016 г.).

С иронией пишет Т. Москвина о контрасте между антуражем «Гоголь-центра» и производимой им продукцией (спектаклем): *«Лёгкое, светлое, современное пространство – деревянные столы и стулья, кирпичная кладка стен, то оштукатуренных, то нет, на них написаны изречения великих режиссёров – Станиславского, Васильева <...> То есть если бы не спектакль, я бы просто не уходила из этого «Гоголь-центра». Но два часа на спектакле произвели прямо противоположное впечатление. Это (спектакль) оказалось слабым звеном в производстве «Гоголь-центром» современности.*

Кирилл Серебренников – бесконечно расширяющаяся вселенная – не только автор инсценировки «Мёртвых душ», но и художник-постановщик, а также художник по костюмам. Конечно, на очереди освоение им деятельности композитора, сольная актёрская карьера и для увенчания здания тотального самовыражения – написание рецензий на собственные спектакли».

Впрочем, иногда нет нужды в иронических приемах, антитезах и сравнениях; достаточно просто оповестить широкого читателя о подробностях спектакля, например, познакомить его с такими деталями: *«...жена Манилова, усатая и бородатая, в парике с косами, типа Кончиты Вурст, и двое неприятно копошащихся великовозрастных дегенератов (детей Манилова) <...>. Далее Чичиков встречается Коробочку. Это мужчина-«тётенка» в специфическом смысле слова (то есть пожилой нетрадиционный). При нём состоит целая свита таких же «тётенек», горбатых, хромых, кривых, с вывернутыми внутрь коленками <...>. Ноздрёв-то вроде бы обычный парень. Ага, обычный! Он же всё время о собаках говорит. Вот и появляются «собаки» – шестеро обнажённых до пояса типчиков, на четвереньках, в бе-*

ретках, в шипастых ошейниках и на поводке у Ноздрёва. Ясно, что это за «собаки». Садо-мазо, видимо, практикует наш Ноздрёв <...> Причем жена у Собакевича тоже типа Кончиты Вурст...».

Свое определенное нелицеприятное мнение Т. Москвина высказывает уже в заголовках типа *Куда делся талант Ренаты Литвиновой?* (Аргументы недели, 17 февраля 2021, речь идет о картине «Северный ветер») или *Маловато интеллекта в новом фильме Федора Бондарчука* («Аргументы недели», 2021, № 30) и затем доказывает это такими аргументами:

«Если автор выбирает персонажей –интеллектуалов, он обязан эту заявку как-то отработать, и зритель знает сотни случаев, когда так и получается. Разные есть способы – остроумные реплики, интересные истории, парадоксальные реакции, вообще всякие нестандартные ходы. Не только за морем, но и у нас совсем недавно случился нестандартный, замечательный герой-интеллектуал, тоже, кстати, психолог, в исполнении Максима Матвеева (сериал «Триггер»). А в «Психе», к примеру, мамаша стоит на кафедре, читает лекцию – а это набор банальностей. Герой общается с клиентами – ноль интеллекта в разборе ситуации. Верить в интеллект героя мы должны только на основании артистического облика Константина Богомолова...».

У Т. Москвиной привлекательно то, что она, через обсуждение событий типа новой театральной постановки, выходит на уровень больших обобщений, касающихся глобальных процессов в области культуры или государственной политики по отношению к культуре. Иногда такие обобщения содержатся уже в заголовке: *Новая «Угрюм-река»: сказ о потерянном кинематографе* (Аргументы недели, 16 марта 2021 г.). Ср. также: *«Боюсь умереть от натуги, пытаюсь постичь действия Фонда кино, где все участники – и те, кто деньги распределяет, и те, кто претендует на долю, – повязаны могучей московской грибницей родственных и дружеских связей».*

«Но чего же вы хотите от агонии режиссёрского театра? Когда современные театральные режиссёры начинают свой творческий путь, театроведы убаюкивают их сказками, что они самые главные и должны явить миру своё личное мироощущение. Проходит несколько лет – и перед нами набор штампов, бесконечные самоповторы. Режиссёры берут одни и те же пьесы, демонстрируя якобы оригинальность трактовки. Они не идут на

контакт ни с авторами, ни с действительностью. Теряют социальную и культурную ответственность. Им приходится применять всё более сильные средства – превращать героев в монстров, менять им пол, мудрить над текстом. Их композиции разбухают, теряют форму, вступают в свои права скука и однообразие. Вам скучно? У критиков есть прекрасный аргумент: это не вам скучно, а это спектакль такой, о скуке и абсурде жизни!»

Или ср. фрагмент статьи «Культурная политика: чьи штаны поддерживать?» (Аргументы недели, 7 июля 2020 г.): *«Допустим, все 230 миллионов, полученных на свой театральный проект, Серебренников потратил на 340 мероприятий, как он заявил на суде. Очень грамотный тезис, в Министерстве культуры такое обожают – «на ста площадках состоялась тысяча мероприятий». Интеллектуальная и эстетическая ценность мероприятий – штука ведь смутная, как её взвесишь, на каких весах, а цифра – она ведь теперь наш бог. Значит, ничем чудачок режиссёр не разжился, ни коровёнки, ни барашка не приобрёл, а так и ухнул все денежки на загадочное новаторское «театральное Сколково» <...> И для меня принципиально важно не то, что деньги на театральный проект Серебренникова были потрачены с нарушениями отчётности, – но то, что они вообще были выделены. Это, знаете ли, разврат».*

Аргументация оправдывает и прямые инвективы, и самые невероятные параллели (Серебренников – Терминатор): *Серебренников, «конечно, не без способностей человек, но ведь мастером его никак не назовёшь – его первые спектакли были позабавнее нынешних опусов своим первозданным нахальством <...> ...посмотрев новый шедевр, я убедилась: «Тайна г-на Серебренникова раскрыта» <...> Он создан как терминатор, чтобы уничтожить классические мифы театра. Он ставит самые легендарные пьесы – скажем, «Лес» Островского, «Мещан» Горького, «Сладкоголосую птичку юности» Уильямса – чтобы их, этих мифов и легенд о каком-то театре высокого профессионализма, где водились мысли и чувства, больше не было. На его месте образуется черная дыра, заполненная дурным неаппетитным месивом – очередным спектаклем Серебренникова. Но так и должно быть – мы же не требуем от улитки, поедающей листочек, чтоб она оставляла при этом прекрасные выделения. У человека такая миссия, что поделаешь! <...> И дело не в том даже, что у него нет диплома о высшем режиссерском образовании, мало ли беспомощных режиссеров с таким дипломом. А в том, что терминатор умеет только уни-*

чтожать, остальное вне его компетенции... Неудивительно, что наша сцена, к таким явлениям непривычная, растерялась под напором личной энергии режиссера – единственного профессионального качества, которое у него есть, причем в избытке. Но постоянно писать о каждом опусе Серебренникова теперь, когда его тайна раскрыта, совершенно излишне. На каждый чих не наздравствуешься. Пусть терминаторы делают свое дело, а рабочие пчелки культуры – свое. Посмотрим, чья возьмет». (Т. Москвина «Тайна г-на Серебренникова раскрыта» // Аргументы недели, 16 ноября 2006 г.)

Т. Москвина выступает за то, чтобы критиковали и самих критиков, а то *«из иных рецензий понять ничего невозможно (этому критиков обучают специально)»* – отмечается в отзыве на Богомоловскую постановку «Преступления и наказания».

Созданный ею сайт «Антикритика», по словам Т. Москвиной, *«раскрутился как-то мгновенно, и в основном благодаря театроведческим тетькам, у которых ума-то палата. Они стали кричать: кошмарный ужас! это нельзя читать! ни в коем случае! Натурально все ломанулись читать. Тексты-то на нашей «антикритике» попадают смешные, точные, острые. А нынешняя театральная-критическая тусовка – круга «Золотой маски» – не мне одной обрыдла. Многие люди театра просто ликовали! И почему нельзя критиковать критику? Никому таких охранных грамот вроде не выдавали. Я хотела бы, чтобы члены Ассоциации театральных критиков (многие) как-то потеряли свое «титаническое самоуважение», сдулись, съезжились, перестали беззастенчиво гнать километры белиберды, написанной на этом их невыносимом жаргоне».*

После рецензии Т. Москвиной на сериал «Садовое кольцо» появился поток обвинений в адрес рецензента, начатый режиссером А. Смирновым-младшим, продолженный М. Виторганом и мн. др., где нет и следа толерантности и политкорректности – прошлись по внешности Т. Москвиной и высказали сомнение в ее психическом здоровье. Т. Москвина озаглавила свой ответ так: *«Письмо добрым и здоровым от злой и больной»* и прежде всего отмежевалась: *«Дети, я не из вашей песочницы»*... Далее ответила каждому: *«Странно, что Максим Виторган аж предложил плюнуть мне под ноги. Никогда не слышала о такой форме осуждения! <...> Напрасно он не читает газету «Аргументы недели», где я пишу с 2006 года (аудитория бумажной версии 1*

050 000, сайта – 10 млн посещений в месяц). Постепенно он бы привык к мысли, что на свете бывает критика, предназначенная для огромной аудитории, а не для трёх с половиной френдов по ФБ».

Очень характерен для стиля Т. Москвиной отзыв о вручении литературной премии «Большая книга» (Аргументы недели, 17 декабря 2019 г.). Заголовок с включением жаргонизма: «Литература больших лимонов»: «Кто там папа Карло и кто Карабас в этом празднике Буратин, то есть кто рулит премией и назначает победителей, я знать не знаю, не местные мы. Но шум стоит, фигурантов обсуждают, а призовой фонд не котик наплакал: три миллиона рублей – первый приз, полтора миллиона – второй и один миллион – третий».

Основное внимание уделено третьему призеру – Гузели Яхиной (роман «Дети мои»). Т. Москвина вполне согласна с темой, ибо «главное ведь – талант рассказчика, не правда ли?» А дальше пишет: «Да, талант... тут у нас проблемы, читатель. Вот вам отрывочек из романа Яхиной «Дети мои». Приведенный фрагмент совершенно справедливо характеризуется как «нагромождение мнимо живописных деталей, образуется вязкое, безвкусное, косноязычное словесное месиво. Вы думаете, просто фраза неудачная? Это весь текст такой, все 500 страниц. У просвещённого любителя литературы все мышцы, мускулы и сочленения должны медленно покрыться инеем от сочинений Яхиной: это читать невозможно. Автор не владеет словом, не умеет писать! Однако публике упорно преподносят произведения Яхиной в качестве высших достижений литературы. Её ничтожные поделки переводятся на десятки языков – как же, это «литература больших идей», защищающая обездоленных и репрессированных. Яхиной вручаются премии, она даже руководила «Тотальным диктантом» в 2018 году. Вспоминается фраза из бессмертного «Собачьего сердца» Булгакова: – «позвольте, но как же он служил в очистке??»... <...> но почему никто из преданных русской литературе знатоков, для которых словесность – драгоценный родной дом, не вступился за него? «Большая книга» из года в год игнорирует действительно одарённых писателей (назову хотя бы Славникову, Иванова, Крусанова, Елизарова, да их десятки) и возвеличивает большой круглый ноль по имени Гузель Яхина. <...> Что поделаешь! Но все лимоны-то у них». Как видим, формально имеет место верх интолерантности – обвинения в графомании, в косноязычии, характеристики типа «круглый ноль», «ничтожные поделки» и

т.д., однако читателю предъявлен фрагмент романа, из которого ясно, что все сказанное в высшей степени справедливо. И защищать надо не Яхину, а русскую словесность, что и делает Т. Москвина.

Рассмотрение текстов Т. Москвиной позволило установить такие признаки реализации толерантности в медийной рецензии, как ориентация на корректность оценок, предпочтение аргументации как прагматически ориентированной тактики, обусловленность степени толерантности наличием/отсутствием полемики и ее типам по содержанию текста рецензии. Представляется возможным говорить о наличии определенных границ реализации категории толерантности в медийных рецензиях, эти границы отличаются высокой степенью динамичности, регламентируются степенью коммуникативной свободы автора и его интенциями. Медийная рецензия как часть медийной культуры должна ориентироваться на оптимальное сочетание толерантности и независимости оценок автора, поскольку уважение к мнению другого не может и не должно исключать возможности аргументированного изложения собственной точки зрения.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Багабиев Д.С.* Толерантология как новая научная дисциплина // Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований. Сборник научных статей / Под науч. ред. М.В. Новикова, Н.В. Нижегородцевой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 326–327 с.
2. *Исаева З.Ш.* Категория «толерантность» в научной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 32 (213). Филология. Искусствоведение. Вып. 48. С. 49–52.
3. *Крысин Л.П.* Толерантность языковой нормы // Язык и мы. Мы и язык. Сборник статей памяти Б.С. Шварцкопфа / Отв. ред. Р.И. Розина. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2006. С. 175–184.
4. *Шановалова Т.А.* Коммуникативная категория толерантности и ее реализация в современном политическом дискурсе // Автореф. дис. канд. филол. наук. Саратов, 2013. 23 с.

R E F E R E N C E S

1. *Bagabiev D.S.* Tolerantology as a new scientific discipline // Tolerance in modern society: the experience of interdisciplinary research: a collection of scientific articles / Edited by M.V. Novikov, N.V. Nizhegorodtseva. Yaroslavl, 2011. Pp. 326–327.
2. *Isayeva Z.S.* Category "tolerance" in scientific communication // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2010. No. 32 (213). Philology. Art history. Issue 48. Pp. 49–52.
3. *Krysin L.P.* Tolerance of the language standard. We and the language // Collection of articles in memory of B.S. Schwarzkopf / Ed. by R.I. Rozin. Russian State University for the Humanities, 2006. Pp. 175–184.
4. *Shapovalova T.A.* The communicative category of tolerance and its implementation in modern political discourse // Thesis abstract. Saratov, 2013. 23 p.

20 мая 2021 г.
